

К вопросу о сборании и изучении географической номенклатуры

Смирнов, М. И. Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры / М. И. Смирнов. — Иваново—Кострома, 1927.

В «серии программ и инструкций, издаваемых Иваново-Вознесенским обществом краеведения и костромским научным обществом по изучению местного края при участии Центрального бюро краеведения» вышла небольшая книжечка известнейшего краеведа и выдающегося знатока одного из самых любопытных районов нашей страны — М. И. Смирнова: «Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры», — прелестно написанная, интереснейшая книжечка. Книжечка ставит и обсуждает ряд важнейших вопросов изучения названий населённых и ненаселённых «мест», — «хорографических терминов», по её выражению. Правильно отмечая огромное значение этих названий для разнообразных исторических исследований, книжечка справедливо указывает на важную погрешность в самой современной постановке этих изучений (большое пренебрежение «названиями исторического времени на русском языке») и даёт ряд полезных указаний собирателю названий, их исследователю и учёному, который привлекает их, как источник для научного воссоздания когда-то бывшей действительности.

с. 524

Основное для нас — указания книжечки собирателю. Прежде всего — где, то есть у кого или в чём, собирать местные названия? — Книжечка предлагает производить «опрос на местах в селениях местного населения о народных названиях» и «выписывание из документов прошлого (межевых, писцовых книг, купчих, планов, земельных грамот) и настоящего времени» интересующих собирателя «названий». Мне думается, что автор таким предложением очень ограничивает и круг источников, к которым может и должен обращаться собиратель, и самые, пожалуй, приёмы его работы. В самом деле, представим, например, себе человека, который когда-то жил в старой немецкой колонии Ровное (в дореволюционное время Самарской губернии, ныне АССР НП), а ныне проживает хотя бы, например, в Саратове; разве он не может быть привлечён к опросу по части географических названий своей «колонии» и прилегающих к ней мест того времени, когда он в ней жил или в неё наезжал? Или возьмём, например, молоденького студента, который только что приехал учиться в тот же г. Саратов из глубины заволжских степей, — неужели и он не может быть привлечён к «географическому» опросу? Мне думается поэтому, что нет никакой надобности в том ограничении, которое при выражении «местного населения» поставил автор («на месте в селениях»), — но есть, думается мне, надобность в другом — в выработке тех приёмов предосторожности, с которыми надо вести опрос местного человека не на месте; вероятно, было бы целесообразно вести такие опросы с подробными картами или планами в руках и проверять сообщения осведомителя рядом конкретных сопоставлений. Мне даже думается — замечу об этом попутно, — что нет никаких оснований ограничиваться по отношению к «местному населению» одним только «опросом», наоборот, — надо не только опрашивать его, но и вслушиваться в его разговоры и рассказы и уметь подмечать в них и вышелушивать из них нужный географический материал.

с. 525

*Чернов, С. Н. К вопросу о сборании и изучении географической номенклатуры / С. Н. Чернов // *Краеведение*. — 1928. — Т. 5, № 9. — С. 524—533.

Далее: рекомендуя свои «выписывания», книжечка несомненно очень сужает круг тех «документов прошлого и настоящего времени», в которых стоит и надо искать географические названия: так, вне её внимания остались архивные «дела», многие категории которых содержат ценнейший материал географических названий, — например, фонды межевых, землеустроительных, судебных и других учреждений; вне её внимания остались, затем, такие материалы деловых и интимных отношений, как письма и разнообразные и с различными целями исполненные записи и описания: дневники, воспоминания, хроники (в том числе — церковные летописи!), описания местностей, населённых пунктов, ненанесенных мест, предметов искусства, остатков древности и старины, населения, поездов, путешествий, экспедиций, флоры, фауны, вод, климата, полезных ископаемых, почв и подпочвенных слоёв, а также научные сочинения, планы работ, объяснительные записки и отчёты ведомств и учреждений, беллетристика (никогда не надо преуменьшать значения беллетристики как источника к изучению местной жизни в прошлом и настоящем! — особенно той беллетристики, которая принадлежит местным, хотя бы и мелким писателям), газеты, журналы, справочники разного рода, подорожники, путеводители и так далее, и так далее — а между тем во многих произведениях такого рода можно встретить ценнейший материал географических названий, — укажу, например, для Саратова на недавно изданную Госиздатом автобиографию Н. Г. Чернышевского или на давно вышедшие детские рассказы Желиховской; следует, наконец, иметь в виду и карты и разнообразные чертежи, которые по очевидному недоразумению опустил автор перечня, а также и всевозможные картины, зарисовки, фотографии и так далее разных мест и даже лиц, под которыми может быть их ныне уже исчезнувшее название.

с. 526

Нельзя не приветствовать дельные указания книжечки на технические приёмы собирания географической номенклатуры; но нельзя и не пожалеть о чрезвычайной краткости в перечне этих приёмов. Так, например, в книжечке никак не пояснено, что собственно значит «записывать» «хорографические имена со всевозможную точностью, как они произносятся», — значит ли это, что собирателю надлежит вести фонетическую запись, или значит что-то другое — и тогда что именно? Точно также ничего не сказано о том, как следует поступить, когда собиратель знает или догадывается, что его осведомитель сообщает ему название в искажённом виде; надо ли поправлять его или нет? надо ли отметить, что название дано в неправильном виде, или не надо? и, если надо и знаешь правильную форму названия, то надобно ли её указать или лучше её не указывать? Я бы думал, что и запись, если можно, надо вести фонетически и отметить искажённость приводимого названия и его настоящую форму (в скобах, в виде примечания) следует. Далее: книжечка совершенно не даёт никаких указаний, каким образом собиратель географических имён может дать учёному, который станет или специально изучать или привлекать к другим специальным исследованиям собранный им материал, возможность проконтролировать точность его записи, и лучше осмыслить изучаемое название в свете языка осведомителя или документа. Мне бы думалось, что такую возможность легко предоставить исследователю простыми цитатами живой речи осведомителя или текста документа. Затем, говоря о том, что «нужно отмечать» все «местные объяснения», «отчего произошло то или другое название» и «связанные с этим» «предания и легенды», книжечка, к сожалению, нигде не упоминает, что их, в сущности говоря, следует, если только к этому есть какая-нибудь возможность, обязательно записывать, а не только «отмечать» или пересказывать, потому что при отметке или пересказе, даже очень обстоятельном и подробном, всегда могут ускользнуть те или иные, на первый взгляд мелкие и даже мелочные, подробности «объяснений» — а особенно «легенд и преданий», — подробности, в которых собственно иной раз и находится зерно или отражение некогда бывшей действительности или хотя бы путь к пониманию процесса сложения или источников и форм заимствования как простого «объяснения» и целых «легенд и преданий». Само собою разумеется, что исследователю географических названий важно знать и то отношение, которое к этим «объяснениям», «легендам и преданиям» имеется как у осведомителя, так и вообще у местных людей, а также, конечно, и то, которое сложилось у самого собирателя; поэтому в интересах работы исследователя собиратель должен рассказать ему об их и своём отношении ко всем этим «объяснениям», «легендам и преданиям», — конечно, с приведением своей и чужой аргументации; при этом отношение и аргументацию осведомителей надо, конечно, привести по возможности в их точной записи. Из сказанного

видно, какую важную роль в работах собирателя местных географических названий играет умение производить запись чужих слов и целых чужих рассказов. Но к сказанному надо добавить ещё одно: ведь надо точно записать и те рассказы, предания, легенды, сказки, песни, побасёнки, поговорки и так далее, в которых собиратель, вслушиваясь в жизнь местных людей, услышал географическое имя.¹ Это в ещё большей степени и с ещё большею силой ставит перед собирателем географических названий вопрос о необходимости научиться производить точные записи; к сожалению, изучаемая книжечка и здесь не даёт технических указаний... Мне думается, что эти её сейчас изложенные недостатки происходят единственно от её упорного стремления к краткости изложения правильно предлагаемых ею указаний и советов. Ту же краткость формулировки мы встретим и далее — и именно она, как мне представляется, вызывает новый ряд неотвержимых недоумений. Обратимся к их рассмотрению.

с. 527

Говоря, что следует «отмечать», «от кого или откуда (то есть из какого документа), где, когда и кем» собраны предлагаемые вниманию исследователей географические названия, книжечка совсем не поясняет, что она понимает под своим призывом «отмечать». А между тем этот призыв можно понять по-разному: можно думать, например, что книжечка полагает достаточным указать имя, отчество, фамилию и адрес осведомителя или место хранения, название и шифр рукописи или печатного издания, но можно думать и иначе: например, что книжечка считает необходимым знать биографию, духовный облик и социальную физиономию осведомителя или автора письменного источника. Но если так, — а я бы склонялся думать, что именно так, — то перед собирателем географических названий встаёт новая большая задача: научиться составлять биографии своих осведомителей и таким образом интерпретировать свои письменные источники, чтобы уметь представить место, время и среду возникновения, а также и самую личность автора каждого из них. Пожалуй, в некоторых случаях можно упрощать эту очень сложную задачу: можно не требовать, скажем, от собирателя биографии осведомителя и ограничиться лишь сводкою некоторых данных о нём, рисующих или позволяющих другому нарисовать социальную фигуру и культурный облик осведомителя, — но эта задача — тоже очень большой сложности, требующая осторожной вдумчивости и внимательной настороженности, как бы, с одной стороны, не спугнуть неосторожным вопросом осведомителя или его земляков и знакомцев, а с другой — как бы не сбиться на бесплодный трафарет анкеты. Ещё одно обстоятельство: при работе над письменным источником собиратель всегда должен обратить особенное внимание на отношение того места источника, в котором содержится интересующее его географическое имя, к источнику в своём целом; он должен, например, подумать, представляет ли содержащее географическое имя место источника единое органическое целое со всем источником в его полном объёме или же, наоборот, является в него позднейшею вставкою; и далее: предположим, что собиратель убедился в первом, — тогда перед ним встаёт другой вопрос: не представляет ли собою содержащая интересующее его географическое имя часть источника другой, более ранний источник, включённый в первый при его составлении и, можно сказать, органически спаявшийся с ним? или, может быть, она представляет собою пересказ такого источника, цитату из него или какое-нибудь другое его использование? Но такие вопросы вновь ведут к другим — о времени, месте, среде, когда и где сложилась эта содержащая географическое имя часть источника, или сложился более ранний источник, использованный при её написании, и наконец об её или его авторе. Более того: в сущности говоря, надо и к устному сообщению осведомителя присматриваться с точки зрения такого же индивидуализирования частей рассказа. Конечно, это ещё труднее, чем изложенные задачи интерпретации письменного источника; но их трудность не устраняет необходимости их осознания и осуществления. Но книжечка в своём упорном стремлении к краткости даже не упоминает об них...

с. 528

Далее, «предлагая» «для облегчения работ собирателя» «ряд... вопросов», книжечка делает, также стремясь к краткости, несколько существенных, потому что вопросы имеют

¹При этом следует иметь в виду, что собиратель не должен смущаться тем обстоятельством, что современный исследователь, по недостаточной разработке приёмов учёной работы, ещё не может использовать его записи целиком или в большей их части, ибо всякий собиратель работает не только для современных, но и, пожалуй, главным образом — для будущих исследователей.

с. 529

путеводный характер, упущений. Так, второй вопрос следующий: «На какой реке или озере находится... поселение?» Но разве из всех водных протоков и вместилищ поселение может быть расположено только на реке и на озере? а разве мало их раскидано по морям, ручьям, колодцам и так далее? Или третий пункт спрашивает о других «реках и ручьях, протекающих во владении... селения»; почему же в нём не названы водные вместилища, например, озера, и другие протоки, например, ключи и родники? Правда, можно сказать, что они частично поименованы, а частью подразумеваются в четвёртом пункте, где называются «другие урочища и местечки»; но этот пункт, неизвестно почему отделённый от близкого и родственного ему третьего пункта, никоим образом, не даёт перечня носителей географических имён; впрочем, книжечка и вообще его не даёт и этим в сущности задерживает собирателя¹ на пороге его поисков. Но вместе с этим она своим молчанием держит закрытою от него обширную и очень интересную область географических имён: ведь очень часто населённые и ненаселённые места имеют особые названия не только в своём целом, но и в своих частях, между тем книжечка нигде не говорит о необходимости собирать номенклатуру частей населённых (например, конец, улица) и ненаселённых (например, опушка) мест.

Та же вредящая краткость и в совершенно правильной по существу «рекомендации» книжечки «в целях удобства дальнейшей разработки полученных сведений... записывать их на отдельные карточки, а также наносить на планы и карты». Дело в том, что, например, не совсем ясно, как предполагает книжечка заносить на карточки названия одного и того же места, собранного одним лицом: все на одну карточку или каждое на особую. Хочется думать, что книжечка предполагает последнее. Совсем неясно, к сожалению, как книжечка представляет себе самый формуляр карточки и обработанную запись различных дополнительных сведений, о необходимости собирать которые она говорит.

Я указал ряд недоуменных вопросов, которые встают у читателя при освоении первой части прелестной книжечки М. И. Смирнова; корень этих вопросов лежит в её чрезмерной сжатости. Их количество можно умножить, — но сущность дела от этого останется неизменной: в чрезмерной краткости преподанного руководства.

Но раз так, следует надеяться, что выдающийся краевед и искушённый знаток номенклатуры родной Переславщины, автор рассматриваемой книжечки не откажет поделиться с начинающими (да и с начинающими ли только?) работниками мест своим опытом и своими соображениями о том, как надо строить собирание географической номенклатуры с учётом всех трудностей этой работы и всех запросов исследователя, который вовлекает собираемые названия в горнило своих лингвистических и исторических разысканий, и о трудностях работы которого он делает ряд важных замечаний.

с. 530

В дальнейшем книжечка даёт образцы изучений собранных названий со стороны «внешней» и «внутренней», или, как она сама же и поясняет, со стороны «формальной» и «материальной». «Остановившись на первой», она рекомендует «обследовать» названия «со стороны структуры и фонетических особенностей». Наблюдения книжечки по вопросам «структуры» названий — любопытны; но, пожалуй, ещё важнее её наблюдения над их «фонетическими особенностями». Так, книжечка отмечает в биографии отдельных названий «сокращение числа звуков»,² «перестановку слогов и отдельных звуков», «описки и переименования». Эти наблюдения книжечки, хотя она и не предлагает их твёрдой и законченной классификации, конечно, будут приняты во внимание и всяким собирателем географических названий и каждым исследователем, который ведёт изучение их или исследует их для других работ. Многими будет, вероятно, принят во внимание и совет книжечки не браться без специ-

¹Нельзя же счесть таковым для населённых «мест» упоминание ею в «вопросах»: озера (2 и 4), реки (2 и 3), ручьи (3), леса, луга, поля, болота, оврага, долины, горы, дороги, колодца, пруда, родника, ключа (4) с многозначительным «и прочее», за которым, действительно, скрываются страницы будущего перечня, — даже примерного перечня. Ещё скучнее книжечка в отношении названий населённых мест: в 1 «вопросе» она даёт очень общее выражение «населённый пункт», столь же общее выражение даёт во 2 — «поселение», а также и в 3 — «селение»; и также нет никакой попытки дать хотя бы только примерный перечень населённых пунктов. Следует, кстати, отметить, что термин «урочище» книжечка употребляет без пояснения его понимания, — а оно, как известно, очень различно и в настоящем и в прошлом.

²Нельзя, впрочем, не указать, что некоторые из приводимых автором примеров говорят, пожалуй, не только о «сокращении числа звуков», но и о некоторых заменах одних звуков другими.

альных лингвистических познаний за труднейшее из дел — «расшифрование» непонятных географических терминов на русском и особенно на других языках.

В соответствии с этим, переходя к изучению «внутренней» или «материальной» стороны названий, книжечка прежде всего и предлагает краеведу выключить из него «для научной обработки со стороны специалистов» все «непонятные названия, оставшиеся в наследство от народностей давно прошедшего времени».

Очевидно, хотя книжечка этого и не говорит, в этот выдел лингвисту пойдут и те несомненно русские названия, которые в течение своей многовековой жизни претерпели сильнейшие изменения, до неузнаваемости исказившие их первоначальный звуковой облик.

«Для названий же, очевидных по своему содержанию», книжечка предлагает свою схему классификации:

1. «названия естественно-исторического порядка, относящиеся к описанию природы края — физической географии, геологии, ботаники и зоологии;
2. названия этнологического характера — касающиеся исторической, социально-экономической и другой стороны жизни населения».

В такой, очень общей, схеме эту классификацию, пожалуй, можно признать правильной; возбуждает некоторое недоумение лишь терминология пункта 2 — к сожалению, впрочем, автором неразвёрнутая. По примерам же, которыми он снабдил свои общие положения, к сожалению, не всегда видно, куда надлежит поместить то или другое географическое имя: например, имена рек по вкусу воды и характеру течения («Горькая», «Гнилуха», «Быстрица», «Красивая») или имя пустоши, создавшееся в связи с её расположением относительно других частей местности или основной массы населения, — такого типа, как «Чудской Закоулок». Не всегда можно признать правильным и то конкретное размещение, которое сам автор даёт специально взятым для примера географическим именам по рубрикам своей собственной классификации; почему, например, «Хмельники» и «Хмелевицы» попали в отдел «растительного мира», а не «промыслов, занятий и экономики края», хотя, по мысли самого автора, эти имена «указывают на развитие» в переславль-залесском крае «в прошлое время культуры хмеля, забытой теперь»? Я бы не стал, конечно, возражать против того, чтобы эти имена остались примерами того, что может быть взято в группу названий, отразивших в себе «растительный мир» края, но при одном непременном условии, чтобы они вошли в пример и того, что может идти в числе названий, характерных для промыслов, занятий и экономики» края, — а в нашем случае даже как раз приходится отметить, что для названий последнего рода в примерах автора нет ни одного имени типа «Хмельники» («Хмелевицы»). Далее, некоторые названия, относимые автором к отражениям, например, животного мира, национального состава населения, его духовной культуры, можно по формальным признакам, пожалуй, причесть к образованным от фамилий владельцев: сравним, с одной стороны, «Соболево», «Литвиново», «Блудово», а с другой «Айгустово», а также по аналогии «Аймусово», «Акимово», «Багримово»; почему при формальном сходстве первой группы со второй он совсем иначе объяснил её происхождение?¹ Что же касается самых внутренних рубрик предлагаемой автором двучленной классификации, то они, конечно, дают довольно широкие возможности для прочного охвата массы географических названий, но носят характер некоторой беглости и поэтому нуждаются в дальнейшем продумывании, — особенно по п. «б». Нисколько не решаясь предложить, взамен этих рубрик внутреннего деления их своей системы, позволяю себе, однако, высказать беглое предположение о том, как, на мой взгляд, было бы можно — я бы выразился — стянуть предложенные книжечкою рубрики внутреннего деления п. «б». Вот этот примерный (и никак не более!) опыт стягивания:

Отражение в географических названиях:

1. Население края, — по
 - а) национальному составу,
 - б) социальному составу,

¹Если автор сделал своё заключение после предварительных разысканий о происхождении данных названий, то их источники и общий ход остались для нас сокрытыми его молчанием.

- в) служебному положению,
- г) вероисповедному составу,
- д) отдельным лицам.

2. Хозяйственная деятельность населения, —

- а) сельскохозяйственная,
- б) промысловая,
- в) кустарная,
- г) ремесленная,
- д) фабрично-заводская,
- е) торговая,
- ж) по путям сообщения и связи.

3. Материальный быт населения, — по

- а) жилищам,
- б) орудиям производства,
- в) домашней обстановке,
- г) утвари и посуде,
- д) одежде,
- е) средствам передвижения,
- ж) убранству и украшениям.

4. Духовная культура населения, — по

- а) верованию и культу,
- б) эстетическим восприятиям,
- в) моральной оценке,
- г) умственной оценке,
- д) развлечениям,
- е) обычаям и привычкам,
- ж) укладу семейной и домашней жизни, укладу общественной жизни.

5. Административное, судебное и военное устройства, — по

- а) единицам деления,
- б) должностям,
- в) чинам,
- г) видам и поступкам служебной деятельности.

6. Отдельные события, —

- а) политической жизни,
- б) общественной жизни,
- в) частной жизни.

с. 532 Нисколько не настаивая на правильности такой классификации и полноте уловленных ею интересов, всё же позволяю себе надеяться, что она может дать материал и для распределения уже собранных названий и для дальнейшей выработки их общеобязательной классификации. В таком именно духе, как представляется мне, и должны идти работы по переделке классификационных опытов книжечки.

Рассмотренная книжечка, если мы обернёмся на ничтожное количество русской литературы по вопросам собирания, классификации и исследования географических названий, вносит, оперируя огромным материалом переславщины, несколько любопытных новых чёрточек и пожеланий в трудное дело, которому посвятил себя и её М. И. Смирнов. Но та чрезвычайная краткость, которою он сковал все свои высказывания, преуменьшила, как мне представляется, живое значение преподанных им советов и указаний. Хочется думать, что всё же, несмотря на это, книжечка послужит делу, которому предназначена служить,

и даст путеводные нити тем местным работникам, которые в провинциальной глуши задумяваются над названиями «мест», но, не имея руководственных указаний, не решаются их тронуть, собирать, изучать.

Книжечка, открывающая этим провинциальным работникам некоторые пути к собиранию и изучению географической номенклатуры, сама выросла из упорной работы своего составителя на той тяжёлой и очень неблагодарной ниве, пути к которой она теперь сама — хотя бы частью — открывает другим. В этом смысле она — явление очень показательное, — правда, и краевед, из работ которого она выросла, есть краевед выдающийся. Но если так, не ставит ли она вопроса о возможности наладить планомерную и широко поставленную работу по собиранию и изучению географической номенклатуры нашей страны? Конечно, нашим учёным учреждениям — и прежде всего нашей Академии наук — надо будет взять на себя нелёгкое дело организации рассыпанной работы краеведов мест в огромную и при всей тяжести и неблагодарности труда, которого она требует, увлекательную общую работу по собиранию и изучению географической номенклатуры, — можно, кажется, думать, что они от такого руководства и не откажутся: ведь им так же ясно, как и нам — работникам мест, что в этой огромной сложности работы, требующей и очень разнообразных знаний и большой остроты тонкого суждения, невозможно обойтись без их поддержки и руководства. Разве у них зародится сомнение в нашей подготовленности к этой работе? Конечно, мы не подготовлены к тому, чтобы самостоятельно решать сложнейшие вопросы лингвистики и исторической географии; но, спросим мы, кто в совершенстве подготовлен к такой работе? Автору этих строк не один раз по разнообразным надобностям приходилось окунаться в чужие поиски и бродить по дорогам чужих разысканий в узорчатых областях географической номенклатуры и её использования при лингвистических, этнографических, историко-географических и иных исследованиях. И он с сожалением должен сказать, что даже крупнейшие и наиболее выдающиеся специалисты — языковеды, этнографы, историко-географы и так далее — не только прошлых лет, но и нашей современности в этих поисках и разысканиях очень часто ходят весьма рискованными путями и приходят к выводам, которые, несмотря на иногда огромный авторитет исследователей, быстро отменяются наукой. Что это значит? Это показывает, что методы изучения и исследования данных географической номенклатуры ещё не установлены. В таких условиях, конечно, краевед-исследователь очень часто станет на неверный путь работы или легко сойдёт на неверный с верного пути; и, конечно, надо даже думать, что с ним это случится гораздо чаще, чем с высококвалифицированным специалистом центра. Но при надлежащей осторожности и хорошем руководстве он всё же может проделать работу большой полезности; например, объяснить с точки зрения последовательного применения методов той школы, к которой принадлежит и учёным руководством которой пользуется, географические названия своего края. Я думаю, что, опираясь на в значительной степени свой, им самим собранный, материал и на свои же разнообразные записи вспомогательного характера, а главное, имея возможность, которой почти совершенно нет у работников центра, доследовать любой случай употребления географического имени и на месте дополнительно проверить свои и чужие материалы и записи, он сможет проделать такую работу даже полнее и законченнее, чем это может сделать учёный хотя бы той же Москвы. Но повторяю: такая работа местного исследователя даст максимум пользы лишь при одном, но совершенно непереносимом условии — при хорошем и заботливом руководстве одного или, лучше, нескольких специалистов (лингвист, этнограф, историко-географ), хорошо между собою сработавшихся. Если наш призыв к организации работы по собиранию и изучению географической номенклатуры в общегосударственном масштабе будет услышан и принят, если при этом местным работникам будет обеспечено хорошее руководство, а они впитают в себя мудрую осторожность, ещё наше поколение, думается мне, сможет много сделать, чтобы подойти к той торжественной и заветной минуте, когда перед будущими поколениями раскроются ныне только ещё разгадываемые языки матери-земли и зазвучит верным переводом с них «чудная повесть» о прошлом её самой и её детей — племён и народов.